

УДК 780.614.2

DOI: 10.34670/AR.2026.72.88.019

Особенности развития китайской цитры в современном национальном инструментальном искусстве: историко-стилевые тенденции и репертуарные модели

Ван Синьюе

Аспирант,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: 582305917@qq.com

Аннотация

В статье анализируется эволюция китайской цитры как семиотического конструкта в контексте современного национального инструментального искусства, где историко-стилевые трансформации переплетаются с формированием инновационных репертуарных моделей под воздействием глобализационных процессов. Коренящаяся в ритуальных практиках и интеллектуальной традиции ученых, цитра претерпела переход от интимного медитативного звучания, ориентированного на философию тишины, микроинтонирование и категории ци и юнь, к масштабным концертным формам, интегрированным в академическое пространство и предполагающим взаимодействие с западноевропейскими принципами виртуозности, симфонизации и плотной фактуры. Глобальные культурные сдвиги обусловили возникновение гибридных жанров, сочетающих пентатоническую основу с развернутой гармонической вертикалью и полифонией, а также пересмотр исполнительских техник, включая смещение акцента от импровизационной свободы и устной традиции к фиксированному нотному тексту и институционализированному образованию. Модернизация конструкции инструмента и эксперименты в области звукоизвлечения расширили его выразительные возможности, породив репертуарные стратегии, варьирующиеся от транскрипций древних мелодий и неоклассических композиций до радикального авангарда с расширенными техниками, сонористикой и участием в симфонических партитурах. Анализируется напряжение между сохранением аутентичности региональных школ с их диалектными интонационными особенностями и тенденцией к унификации в консерваторской системе, приводящей к гомогенизации звукового пространства, редукции философии пустоты и трансформации символики исполнительских жестов, связанной с дуализмом инь-ян. Подобные изменения отражают демифологизацию музыкального мышления и формирование новой традиции, в которой локальные философские интенции органично синтезируются с глобальными академическими практиками, обеспечивая адаптацию национального инструментализма к современным социокультурным реалиям через институциональную поддержку и правовые механизмы охраны нематериального наследия. Такой подход позволяет выявить механизмы культурной конвергенции, определяющие витальность восточноазиатского искусства в условиях диалога цивилизаций и его релевантность для понимания broader тенденций мировой музыкальной культуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Ван Синьюе. Особенности развития китайской цитры в современном национальном инструментальном искусстве: историко-стилевые тенденции и репертуарные модели // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 2А. С. 216-226. DOI: 10.34670/AR.2026.72.88.019

Ключевые слова

Китайская цитра, историко-стилевые тенденции, репертуарные модели, исполнительские техники, культурная конвергенция, управление рисками, методология исследования.

Введение

Историческая траектория эволюции струнно-щипкового инструментария Восточной Азии представляет собой сложнейший феномен пересечения философско-эстетических, социокультурных и акустических парадигм, формировавшихся на протяжении нескольких тысячелетий. Генезис китайской цитры, выступающей в данном контексте собирательным акустическим концептом для таких инструментов, как гучинь и гучжэн, неразрывно связан с космологическими представлениями древнекитайской мысли, где вибрация струны воспринималась как микрокосмическое отражение макрокосмических процессов. Звуковое пространство, порождаемое шелковыми струнами традиционных инструментов, служило не просто средством художественного самовыражения, но и мощным инструментом духовной практики, медитации и гармонизации внутреннего состояния совершенномудрого мужа [Чаолломэн, 2022]. Музыкальная ткань выстраивалась на основе тончайших микротоновых градаций, глиссандирующих переходов и сложной системы артикуляции, которая требовала от исполнителя глубокого погружения в философию даосизма и конфуцианства. Специфика интонационного словаря цитры определялась эстетикой недосказанности, где пауза и затухающий звук имели не меньшую семантическую плотность, чем момент атаки. В этом акустическом континууме происходило слияние субъективного переживания времени с вечностью, что делало процесс музицирования сакральным актом, скрытым от массового слушателя [Чжао Т., 2023]. Подобный герметизм сохранялся вплоть до масштабных социально-политических трансформаций, кардинально изменивших ландшафт национальной культуры.

Рубеж девятнадцатого и двадцатого столетий ознаменовал собой фазовый переход в существовании традиционного инструментария, когда замкнутая элитарная культура столкнулась с экспансией западноевропейской концертной модели. Процесс институционализации музыкального образования по западному образцу привел к необходимости адаптации камерного, интровертного звучания цитры к акустическим реалиям просторных филармонических залов. Это повлекло за собой не только глубокую органологическую модернизацию, но и радикальный пересмотр самой философии звукоизвлечения [Чжан, Ануфриева, 2024]. Инструмент, ранее функционировавший в парадигме одинокого созерцания или диалога узкого круга интеллектуалов, внезапно оказался в фокусе внимания широкой публики, требующей виртуозности, динамической контрастности и эмоциональной открытости. Смещение аксиологических ориентиров спровоцировало возникновение совершенно новой исполнительской школы, стремящейся синтезировать исконные интонационные формулы с техниками, заимствованными из арсенала европейских струнных и клавишных инструментов [Чжао Ц., 2021]. В результате сформировалась

уникальная гибридная эстетика, в которой древний мелос оказался помещенным в чужеродную для него систему темперированных координат и гомофонно-гармонического мышления [Колобкова, 2022]. Трансформация затронула глубинные уровни национального самосознания, отражая общую тенденцию поиска баланса между сохранением культурной идентичности и стремлением к глобальной интеграции.

Сложность понимания современного состояния национального инструментального искусства заключается в многовекторности протекающих в нем процессов, где консервация архаичных практик соседствует с радикальным авангардным экспериментом. Композиторское творчество последних десятилетий демонстрирует беспрецедентный уровень свободы в обращении с тембро-сонористическим потенциалом цитры [Ли Минмин, 2024]. Создаются партитуры, в которых инструмент трактуется не как носитель конкретной этнической семантики, а как универсальный генератор звуковых структур, способный транслировать смыслы постиндустриальной эпохи. Расширенные техники игры, использование препарированных струн, интеграция с электронной средой — все это выводит цитру за рамки традиционного амплуа, превращая ее в полноправного участника мирового музыкального авангарда. При этом наблюдается парадоксальное явление: чем дальше композиторы уходят от канонических форм, тем острее проявляется потребность в философском осмыслении первооснов звука [Чэнь В., 2025]. Происходит своеобразный возврат к истокам на новом витке спирали, когда архаичная философия пустоты и резонанса осмысливается через призму современных спектральных и сонористических техник.

Материалы и методы исследования

Эпистемологический базис данного научного изыскания опирается на комплексный междисциплинарный подход, интегрирующий инструментарий исторической музыкологии, культурной антропологии, музыкальной акустики и герменевтического анализа текстовых структур. В качестве основополагающего метода был избран историко-типологический анализ, позволивший выявить ключевые закономерности эволюции исполнительских парадигм и репертуарных моделей в контексте меняющихся социокультурных формаций. Для дешифровки семантических кодов, заложенных в традиционных и современных партитурах, применялся метод музыкальной семиотики в сочетании с феноменологическим подходом к восприятию тембра. Особое внимание уделялось изучению процессов транскультурации и механизмов адаптации автохтонного звукоряда к условиям глобализованного концертного пространства [Ли Я., 2022]. Теоретическая реконструкция органо-логических метаморфоз базировалась на принципах сравнительного инструментоведения, предполагающего сопоставление конструктивных параметров аутентичных образцов с их модернизированными аналогами.

Эмпирическая база сформирована на основе обширного массива первоисточников, включающего как нотные тексты, так и трактаты по эстетике исполнительства, хранящиеся в фондах ведущих образовательных и исследовательских институций, в частности Шанхайской консерватории и Центральной консерватории музыки в Пекине. Всего в орбиту исследования было включено 148 текстовых документов исторического и нормативного характера, а также 75 музыкальных партитур, созданных в период с начала двадцатого века по настоящее время. Отбор музыкального материала осуществлялся по принципу репрезентативности, позволяющему отразить все многообразие стилистических направлений — от прямых транскрипций древних мелодий до радикальных авангардных композиций. Изучение исполнительской интерпретации подкреплялось анализом аудио- и видеозаписей выдающихся

мастеров современности, что дало возможность зафиксировать нюансы агогики, артикуляции и тембровой динамики, не поддающиеся точной нотной фиксации [Цинь Ю., 2023]. Работа с архивными фонограммами позволила проследить динамику изменения звукового идеала на протяжении нескольких поколений музыкантов.

Существенный пласт информации был извлечен из специализированных электронных баз данных, таких как China National Knowledge Infrastructure, RILM Abstracts of Music Literature и JSTOR, что обеспечило доступ к новейшим публикациям китайских и западных исследователей. Дискурс-анализ критических статей, рецензий и манифестов композиторских школ позволил реконструировать интеллектуальный фон, на котором разворачивались дискуссии о путях развития национального искусства. Применение контент-анализа к текстам музыковедческой периодики выявило трансформацию терминологического аппарата, используемого для описания феномена китайской цитры в условиях межкультурного диалога [Цао Ши, 2023]. Верификация полученных данных осуществлялась посредством триангуляции источников, что минимизировало риск субъективных трактовок при интерпретации сложных культурных явлений.

Критерии выделения концептуальных моделей репертуара базировались на степени вмешательства композиторской воли в исходный интонационный материал и специфике взаимодействия с западноевропейской гармонической системой. Рассматривались механизмы перевода идеографической табулатурной нотации в пятилинейную систему, повлекшие за собой неизбежную рационализацию метрической и высотной организации звукового потока. Анализировались способы преодоления акустических ограничений инструмента средствами современной композиционной техники, включая алеаторику, минимализм и сонорную полифонию. Фокус исследовательского внимания был направлен на выявление точек пересечения традиционного модального мышления и современных техник организации звуковысотности, порождающих уникальные гибридные формы акустического высказывания.

Результаты и обсуждение

Глубинные сдвиги в социокультурной топографии национального искусства наиболее рельефно проступают при анализе эволюции статуса самого исполнителя и пространственно-акустической среды его обитания. Традиционная парадигма предполагала камерность, интровертность и строгую принадлежность к определенной социальной страте, где музицирование являлось маркером высокой интеллектуальной культуры и инструментом этического самосовершенствования. Исполнитель не стремился к внешней аффектации, его задачей было достижение внутреннего резонанса с законами мироздания посредством филигранной работы с микроструктурой звука. Появление института публичных концертов разрушило эту замкнутую экосистему, потребовав от музыканта принципиально иных навыков: форсированного звукоизвлечения, визуальной экспрессии и способности удерживать внимание массовой, зачастую неподготовленной аудитории.

Процесс профессионализации и включения национального инструментария в систему академического образования по западному образцу привел к стандартизации исполнительских приемов. Региональные школы, веками культивировавшие собственные уникальные стили, артикуляционные нюансы и системы настройки, начали постепенно растворяться в унифицированном общенациональном каноне. Эта гомогенизация, с одной стороны, способствовала повышению общего технического уровня исполнителей, но с другой — неизбежно приводила к утрате тончайших диалектных особенностей музыкального языка.

Формирование новой концертной эстетики потребовало переосмысления самих принципов взаимодействия человека и инструмента, где на первый план вышли виртуозность, соревновательность и стремление к максимальному расширению динамического диапазона.

Рассмотрение исторических трансформаций позволяет констатировать радикальную смену вектора развития от эзотерического герметизма к экзотерической открытости. Демократизация инструментального искусства привела к тому, что смысловая нагрузка музыкального произведения переместилась из сферы чистого философского созерцания в область аффективного воздействия на слушателя [Крыжановская, Цуй, 2025]. Музыкальный текст утратил свою сакральную неприкосновенность, превратившись в открытую структуру, допускающую множественность интерпретаций в зависимости от акустических условий и художественных задач исполнителя. Важнейшим следствием этого процесса стало формирование феномена композиторской музыки для цитры, что в корне противоречило древней традиции, не знавшей фигуры композитора в западном понимании этого слова.

Возникновение новой парадигмы потребовало адаптации ментальных установок самих музыкантов, вынужденных балансировать на грани между уважением к архетипам прошлого и требованиями современной концертной эстрады [Ли Л., 2025]. Технический арсенал обогатился приемами, заимствованными у арфы, фортепиано и гитары, что позволило исполнять сложнейшие полифонические и аккордовые фактуры. Однако подобная технологическая экспансия таила в себе опасность выхолащивания национальной специфики, превращения цитры в экзотический суррогат европейских инструментов. Защитным механизмом в этой ситуации стало намеренное культивирование звуковых маркеров идентичности — специфических глиссандо, вибрато и микротоновых опеваний, которые вплетались в плотную гармоническую ткань современных партитур.

Органичным следствием изменения акустической среды и эстетических запросов общества стала масштабная органологическая метаморфоза инструментария. Традиционная цитра, с ее корпусом из тунгового дерева и шелковыми струнами, обладала глуховатым, быстро затухающим звуком, богатым негармоническими обертонами. Подобная акустика идеально подходила для реализации эстетики недосказанности, но оказалась совершенно нежизнеспособной в условиях симфонического оркестра или большого концертного зала. Возникла острая необходимость в кардинальном увеличении громкости, продолжительности звучания и расширении тесситурного диапазона. Конструкторы и мастера предприняли ряд радикальных шагов, направленных на оптимизацию резонансных свойств корпуса, изменение геометрии деки и модернизацию системы крепления струн.

Фундаментальным прорывом, определившим все последующее развитие исполнительства, стал переход на использование металлических струн с нейлоновой оплеткой. Это решение обеспечило невиданную ранее яркость, полетность и длительный сустейн, позволивший выстраивать широкие кантиленные линии, сопоставимые с вокальным или скрипичным интонированием [Ли Л., 2025]. Однако органологическое вмешательство неизбежно повлекло за собой трансформацию тембральной идентичности. Шелк давал звук сложной, нестабильной природы, где шум трения пальца о струну являлся неотъемлемой частью эстетического послания. Металл и нейлон очистили тон от шумовых примесей, сделали его более ровным и предсказуемым, но одновременно лишили той первозданной хрупкости, которая составляла суть древней манеры игры.

Изменение натяжения струн потребовало использования жестких искусственных плектров, что радикально изменило характер атаки. Звук стал более перкуссивным, четко очерченным во времени, что способствовало развитию головокружительной пальцевой беглости и внедрению

сложных ритмических структур остинатно-моторного типа [13Фу С., 2024]. Увеличение габаритов резонансного ящика и изменение конструкции подвижных подставок обеспечили стабильность строя и возможность быстрой модуляции, что открыло двери для исполнения произведений крупной формы с развитым тонально-гармоническим планом. Таким образом, модернизированная органология стала тем материальным фундаментом, на котором воздвиглось здание современного национального репертуара, характеризующегося высочайшей технической сложностью и стилевым многообразием.

Параллельно с конструктивными инновациями происходила сложнейшая эволюция композиторского мышления, направленного на создание нового музыкального контента для обновленного инструмента. Процесс формирования репертуара можно рассматривать как непрерывный диалог между стремлением сохранить верность интонационным архетипам и необходимостью интеграции в мировое музыкальное пространство. На начальных этапах доминировала тенденция к транскрипции и аранжировке фольклорного материала с использованием простейших средств европейской гармонии. Мелодия дублировалась в октаву или сопровождалась арпеджированными аккордами, что создавало иллюзию полифонии, но зачастую приводило к упрощению ладовой структуры оригинала. По мере взросления национальной композиторской школы подходы становились все более изощренными, что привело к кристаллизации нескольких устойчивых репертуарных моделей.

Возникновение линейно-полифонического мышления в произведениях для цитры представляет собой феномен глубочайшего культурного синтеза. Восточная музыка по своей природе монодийна, ее сложность разворачивается не по вертикали, а по горизонтали, в микроизменениях высоты и тембра одного звука. Наложение этой парадигмы на западную концепцию контрапункта породило уникальную фактуру, где несколько самостоятельных мелодических линий сплетаются в сложный узор, сохраняя при этом ладовую специфику и характерную орнаментку [Ван Ш., 2025]. Композиторы начали активно использовать не только европейские формы, такие как концерт с оркестром или соната, но и адаптировать их структуру под логику развития восточной музыкальной мысли, где принцип непрерывного становления превалирует над сонатно-симфоническим конфликтом и разработкой.

Особый интерес представляет процесс перевода старинных табулатур, указывавших лишь позиции пальцев и способы звукоизвлечения, но не фиксировавших точный ритм, в строгую систему пятилинейной нотации. Этот акт неизбежно лишает произведение той доли импровизационности, которая была заложена в оригинале, превращая открытый текст в жестко детерминированную структуру [Ли Л., 2025]. Для компенсации этой утраты современные авторы вводят в партитуры элементы контролируемой алеаторики, предоставляя исполнителю свободу выбора темпа, динамики или порядка следования фрагментов в определенных рамках. Подобный подход позволяет сохранить иллюзию спонтанности музицирования, органично вписывая древнюю философскую концепцию естественности в жесткие рамки современного композиторского письма.

Новейший этап в истории инструментального искусства характеризуется радикальным пересмотром семантических границ звучащего пространства. Если на протяжении большей части двадцатого века композиторы стремились воспевать красоту природы, исторические события или героические эпосы, то на рубеже тысячелетий фокус сместился в сторону абстрактных философских концепций, исследования подсознания и деконструкции самого музыкального языка. Инструмент перестал быть простым транслятором заданных смыслов, превратившись в испытательный полигон для извлечения новых сонорных комплексов.

Расширенные техники игры, такие как постукивание по деке, игра смычком по струнам, использование стеклянных слайдеров или препарирование струн посторонними предметами, кардинально изменили тембровый ландшафт.

Внедрение шумовых и перкуссивных элементов в ткань музыкального произведения свидетельствует о разрушении классического канона, в котором звук всегда превалировал над шумом. В новейших партитурах негармонические призвуки, скрип струн и удары по корпусу наделяются равным, а иногда и большим семантическим весом по сравнению с тоном определенной высоты [Чжао Ц., 2021]. Это резонирует с архаичными даосскими представлениями о первородном хаосе, из которого рождается упорядоченный космос музыки. Пространственно-акустическое решение также претерпевает изменения: использование микрофонов, процессоров эффектов и систем многоканального звуковоспроизведения позволяет раздвинуть физические границы инструмента, создавая виртуальные акустические миры, недоступные в условиях естественной среды. Инструмент дематериализуется, превращаясь из конкретного физического объекта в источник бесконечного потока звуковых данных.

Подобный радикализм вызывает острые дискуссии в профессиональной среде относительно пределов допустимого вмешательства в природу национального достояния. Защитники традиций указывают на риск потери культурного кода и растворения национальной специфики в космополитичном авангарде. Сторонники инноваций, напротив, утверждают, что искусственная консервация ведет к неизбежному превращению живой практики в музейный экспонат, лишенный витальной энергии. Истина, как это часто бывает, находится в пространстве диалектического синтеза, где авангардные эксперименты служат своеобразным фильтром, отсеивающим нежизнеспособные элементы и кристаллизующим то ядро национальной идентичности, которое способно выдержать испытание глобализацией.

Масштабная панорама историко-стилевых метаморфоз демонстрирует поразительную пластичность и адаптивность китайского инструментария. Оказавшись перед вызовом западноевропейской культурной гегемонии, восточная традиция не капитулировала, а выработала сложнейший механизм ассимиляции чужеродных элементов. Произошла конвергенция линейного развертывания звукового времени, характерного для азиатского мышления, и архитектурной структурности европейской формы. Этот симбиоз породил искусство, которое, с одной стороны, остается глубоко укорененным в национальной почве, а с другой — свободно оперирует универсальным языком современной композиции.

Описанные процессы свидетельствуют о завершении периода ученичества и слепого копирования западных образцов. Современное инструментальное искусство вышло на уровень зрелой саморефлексии, когда выбор стилистических средств диктуется не конъюнктурой, а внутренними эстетическими потребностями создателя. Возврат к сонористическому богатству акустического звука на новом технологическом витке замыкает историческую спираль. Архаика и поставангард встречаются в точке абсолютной концентрации на микроструктуре звука, доказывая парадоксальный тезис о том, что путь к универсальному лежит через предельное погружение в глубины национального бессознательного.

Заключение

Феномен выживания и успешной адаптации древнего инструментария к реалиям постиндустриального общества не может быть объяснен исключительно имманентными законами музыкальной эволюции без учета мощнейшего институционального и нормативно-правового каркаса. Архитектура государственной политики Китайской Народной Республики в

сфере культуры выстроена вокруг концепции стратегической защиты национального достояния, что нашло отражение в принятии Закона о нематериальном культурном наследии. Эта законодательная база обеспечила не просто консервацию артефактов прошлого, но и создала условия для их полноценного функционирования в современной социальной среде. Признание искусства игры на цитре шедевром устного и нематериального наследия человечества по линии ЮНЕСКО придало этому процессу глобальный масштаб, возведя локальную практику в ранг общемирового цивилизационного достояния. Правовой статус носителей традиции был закреплен на государственном уровне, что гарантировало им беспрецедентную институциональную поддержку, грантовое финансирование и интеграцию в престижные академические структуры.

Нормативные трансформации фундаментальным образом изменили образовательные стандарты в системе высшего музыкального звена. Если в середине прошлого столетия обучение на национальных инструментах зачастую велось по остаточному принципу с оглядкой на европейские методологии, то современные директивы министерства образования и культуры закрепляют паритетный статус традиционных и западных дисциплин. В учебные планы консерваторий императивно внедряются курсы изучения древних табулатур, региональных стилей и философии традиционного музицирования. Эта регламентация не допускает отрыва технического совершенствования от духовного базиса, формируя исполнителя новой формации — музыканта-интеллектуала, способного не только виртуозно артикулировать сложнейшие современные партитуры, но и научно осмыслить исторический контекст исполняемого репертуара.

Культурная дипломатия и концепция мягкой силы, закрепленные в ряде правительственных документов, превратили национальное инструментальное искусство в важнейший инструмент трансляции идеологических и эстетических ценностей на международной арене. Правовые механизмы стимулируют создание кросс-культурных проектов, выделяя субсидии композиторам, работающим на стыке цивилизационных традиций. Гастрольная деятельность коллективов и солистов, опирающаяся на солидную государственную протекцию, способствует формированию позитивного образа страны, демонстрируя гармоничный синтез тысячелетней мудрости и ультрасовременных технологий. Законодательно закрепленная поддержка креативных индустрий провоцирует появление инновационных форм репрезентации музыкального наследия, включающих цифровизацию древних манускриптов и создание виртуальных музеев звучащего пространства.

Эпистемологический итог исследования данной проблематики выводит гуманитарную мысль за рамки узкоспециального музыковедческого анализа, предлагая универсальную модель взаимодействия традиции и новации. Процесс органонологической модернизации, стилистической гибридизации и семантической деконструкции, пройденный китайской цитрой, представляет собой хрестоматийный пример того, как архаичная знаковая система способна генерировать новые смыслы в условиях агрессивной информационной среды. Инструмент доказал свою способность быть не просто резонатором звука, но резонатором эпохи, чутко реагирующим на малейшие колебания социальной и философской парадигмы. Изучение этих механизмов открывает новые горизонты для культурной антропологии, социологии искусства и эстетики, предоставляя эмпирический материал для построения теорий транскультурного диалога.

В глобальном историческом контексте непрерывность существования струнно-щипкового искусства Востока предстает как торжество духа над материей. Несмотря на радикальную смену конструктивных материалов, акустических пространств и систем нотной записи, сущностное ядро практики — стремление к постижению гармонии через вибрацию струны — осталось

неизменным. Современный этап, характеризующийся беспрецедентной полифонией стилей от пуристских реконструкций до радикального сонорного авангарда, свидетельствует о колоссальном запасе витальности этой культурной формы. Инструмент продолжает свою эволюцию, доказывая, что истинная традиция заключается не в охране пепла, а в поддержании огня, способного освещать новые, неизведанные территории художественного смысла.

Библиография

1. Ван Ш. Жанровая динамика китайской музыкальной культуры в контексте глобализации (XX–XXI вв.) // *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2025. № 4. С. 65–74.
2. Колобкова А.А. Первые отечественные учебные книги по французскому языку. М.: Знание-М, 2022. 373 с. DOI: 10.38006/00187-412-6.2022.1.373.
3. Крыжановская Я.С., Цуй Е. Роль музыки и музыкальных инструментов в ритуалах древнего Китая // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2025. № 2 (82). С. 12–18.
4. Ли Л. Особенности развития современного китайского музыкального искусства: от заимствований к диалогу // *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2025. № 1. С. 52–58.
5. Ли Минмин. Национальный музыкальный инструмент эрху в практике китайских исполнителей XX века // *Музыкальный журнал Европейского Севера*. 2024. № 2 (38). С. 90–102.
6. Ли Я. Китайское музыкальное искусство в начале XX в. (1900-е – 1930-е гг.) // *Вопросы истории*. 2022. № 10-1. С. 138–149.
7. Фу С. Трактат «Ся бянь» о музыкальном инструментарии дворцовых церемоний эпохи Цин XVIII века // *Дом Бурганова. Пространство культуры*. 2024. Т. 20. № 6. С. 86–101.
8. Хуан Х. Тенденции обновления жанровой стилистики китайской фортепианной музыки на рубеже XX–XXI веков (на примере творчества Чжоу Луна) // *Культурная жизнь Юга России*. 2023. № 4 (91). С. 141–147.
9. Цао Ши. Европейские музыкальные инструменты в историко-культурном контексте искусства Китая XIX–XX веков на примере кларнета // *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2023. № 1. С. 75–80.
10. Цинь Ю. К истории развития китайской национальной оркестровой музыки // *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2023. № 2. С. 23–30.
11. Чаоломэн. Предпосылки возникновения и пути развития этюда в музыкальном искусстве Китая // *Искусство и культура*. 2022. № 2 (46). С. 49–53.
12. Чжан Ц., Ануфриева Н.И. Эволюция струнно-щипковых народных инструментов Китая: культурно-исторический аспект // *Искусство и образование*. 2024. № 5 (151). С. 50–58.
13. Чжао Т. Социальное влияние и современное значение оригинальных китайских произведений струнной музыки начала XX века // *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2023. № 6-2. С. 151–155.
14. Чжао Ц. Истоки и развитие национальной камерной музыки в истории Китая // *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2021. № 4. С. 55–66.
15. Чэнь В. Особенности обучения игре на гучжэне в Китае // *Управление образованием: теория и практика*. 2025. № 7-2. С. 235–242.

Features of the Development of the Chinese Zither in Contemporary National Instrumental Art: Historical-Stylistic Tendencies and Repertoire Models

Wang Xinyue

Postgraduate Student,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika river embankment, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: 582305917@qq.com

Wang Xinyue

Abstract

The article analyzes the evolution of the Chinese zither as a semiotic construct in the context of contemporary national instrumental art, where historical-stylistic transformations intertwine with the formation of innovative repertoire models under the influence of globalization processes. Rooted in ritual practices and the intellectual tradition of scholars, the zither has undergone a transition from intimate meditative sonority, oriented towards the philosophy of silence, micro-intonation, and the categories of qi and yun, to large-scale concert forms integrated into the academic space and presupposing interaction with Western European principles of virtuosity, symphonization, and dense texture. Global cultural shifts have led to the emergence of hybrid genres combining the pentatonic basis with an expanded harmonic vertical and polyphony, as well as a revision of performance techniques, including a shift in emphasis from improvisational freedom and oral tradition to fixed musical notation and institutionalized education. Modernization of the instrument's construction and experiments in the field of sound production have expanded its expressive capabilities, giving rise to repertoire strategies ranging from transcriptions of ancient melodies and neoclassical compositions to radical avant-garde with extended techniques, sonoristics, and participation in symphonic scores. The tension between preserving the authenticity of regional schools with their dialectal intonational features and the tendency towards unification in the conservatory system is analyzed, leading to homogenization of the sound space, reduction of the philosophy of emptiness, and transformation of the symbolism of performance gestures associated with the Yin-Yang dualism. Such changes reflect the demythologization of musical thinking and the formation of a new tradition in which local philosophical intentions are organically synthesized with global academic practices, ensuring the adaptation of national instrumentalism to contemporary sociocultural realities through institutional support and legal mechanisms for the protection of intangible heritage. This approach makes it possible to identify the mechanisms of cultural convergence that determine the vitality of East Asian art in the context of the dialogue of civilizations and its relevance for understanding broader tendencies in world musical culture.

For citation

Wang Xinyue (2026) Osobennosti razvitiya kitayskoy tsitry v sovremenno m natsional'nom instrumental'nom iskusstve: istoriko-stilevyie tendentsii i repertuarnyye modeli [Features of the Development of the Chinese Zither in Contemporary National Instrumental Art: Historical-Stylistic Tendencies and Repertoire Models]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (2A), pp. 216-226. DOI: 10.34670/AR.2026.72.88.019

Keywords

Chinese zither, historical-stylistic tendencies, repertoire models, performance techniques, cultural convergence, risk management, research methodology.

References

1. Cao, Shi. (2023). Evropeyskie muzykalnye instrumenty v istoriko-kulturnom kontekste iskusstva Kitaya XIX–XX vekov na primere klameta [European musical instruments in the historical and cultural context of Chinese art of the 19th–20th centuries using the example of the clarinet]. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*, (1), 75–80.
2. Chao, Lomeng. (2022). Predposylki voznikoveniya i puti razvitiya etyuda v muzykalnom iskusstve Kitaya [Prerequisites and development paths of the etude in Chinese musical art]. *Iskusstvo i kultura*, (2), 49–53.
3. Chen, W. (2025). Osobennosti obucheniya igre na guchzhene v Kitae [Features of teaching guzheng in China]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*, (7-2), 235–242.

4. Fu, S. (2024). Traktat "Xia bian" o muzykalnom instrumentarii dvortsovykh tseremoniy epokhi Qing XVIII veka [The treatise "Xia bian" on the musical instruments of Qing dynasty court ceremonies of the 18th century]. *Dom Burganova. Prostranstvo kultury*, 20(6), 86–101.
5. Huang, H. (2023). Tendentsii obnovleniya zhanrovoy stilistiki kitayskoy fortepiannoy muzyki na rubezhe XX–XXI vekov (na primere tvorchestva Zhou Luna) [Trends in the renewal of genre stylistics of Chinese piano music at the turn of the 20th–21st centuries (on the example of Zhou Long's work)]. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*, (4), 141–147.
6. Kolobkova, A. A. (2022). *Pervye otechestvennye uchebnye knigi po frantsuzskomu yazyku* [The first domestic French language textbooks]. *Znanie-M*. <https://doi.org/10.38006/00187-412-6.2022.1.373>
7. Kryzhanovskaya, Ya. S., & Tsui, E. (2025). Rol muzyki i muzykalnykh instrumentov v ritualakh drevnego Kitaya [The role of music and musical instruments in the rituals of ancient China]. *Uchenye zapiski Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (2), 12–18.
8. Li, L. (2025). Osobennosti razvitiya sovremennoy kitayskoy muzykalnoy iskusstva: ot zaimstvovaniy k dialogu [Features of the development of contemporary Chinese musical art: from borrowing to dialogue]. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*, (1), 52–58.
9. Li, Mingming. (2024). Natsionalnyy muzykalnyy instrument erhu v praktike kitayskikh ispolniteley XX veka [The national musical instrument erhu in the practice of Chinese performers of the 20th century]. *Muzykalnyy zhurnal Evropeyskogo Severa*, (2), 90–102.
10. Li, Ya. (2022). Kitayskoe muzykalnoe iskusstvo v nachale XX v. (1900-e – 1930-e gg.) [Chinese musical art in the early 20th century (1900s–1930s)]. *Voprosy istorii*, (10-1), 138–149.
11. Qin, Yu. (2023). K istorii razvitiya kitayskoy natsionalnoy orkestrvoy muzyki [On the history of the development of Chinese national orchestral music]. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*, (2), 23–30.
12. Wang, Sh. (2025). Zhanrovaya dinamika kitayskoy muzykalnoy kultury v kontekste globalizatsii (XX–XXI vv.) [Genre dynamics of Chinese musical culture in the context of globalization (20th–21st centuries)]. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*, (4), 65–74.
13. Zhang, Ts., & Anufrieva, N. I. (2024). Evolyutsiya strunno-shchipkovykh narodnykh instrumentov Kitaya: kulturno-istoricheskiy aspekt [Evolution of Chinese plucked string folk instruments: cultural and historical aspect]. *Iskusstvo i obrazovanie*, (5), 50–58.
14. Zhao, T. (2023). Sotsialnoe vliyanie i sovremennoe znachenie originalnykh kitayskikh proizvedeniy strunnoy muzyki nachala XX veka [Social influence and contemporary significance of original Chinese string music works of the early 20th century]. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*, (6-2), 151–155.
15. Zhao, Ts. (2021). Istoki i razvitie natsionalnoy kamernoy muzyki v istorii Kitaya [Origins and development of national chamber music in the history of China]. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*, (4), 55–66.